

Дворы нашего детства

«28 июля во дворике на Успенской, 75 яблоку не было где упасть».

Всех собрал Дедушка. Не простой, а деревянный. Точнее – вышедший из ствола нам навстречу.

Жил был двор. Уютный, небольшой. Старый – пресарый.

Кто только не жил там за почти двести лет!

Пирамидальный тополь посадили первооселенцы.

Возможно, виноград, обвивающий стены, и малинник моложе, но тоже старые.

Как одесские лестницы, ведущие из двора на балконы.

Когда-то в этом доме жили родители Олега Иосифовича Губаря, писателя и краеведа. Отсюда его отец уезжал в военное училище, а потом – на фронт. Здесь прошло его детство и юность, отсюда уходил в армию... Одна из соседок по двору вспоминала «ты ведь под этим тополем играл на своей скрипочке». Отсюда в оккупацию людей уводили в никуда.

Перестраивали подъезд, расширяли. Мешал тополь, высокий, пирамидальный.

Его срубили, но не до основания, а оставив ствол до балок подъезда.

Деревья умирают стоя.

Редко бывал Олег в этом дворе. Точнее – трижды. Когда отцу исполнилось 75 лет. Захотели провести старый двор. Когда родился первый сын. И вот совсем недавно с Андреем Шелюгиным, зашел показать свой первый двор – источник силы.

Олег Губарь: «Одесса всегда жила дворами. Во дворах отражается жизнь всего города. Мне было важно сюда заходить. Тут призраки брошенных жизней. Сколько поколений одесситов тут выросло и ушло. И сам дом переходил

из рук в руки. Я знаю имена всех его владельцев, которые для меня очень значимы. Я могу перечислить всех, кто здесь жил».

Глаз зацепился за стоящее мертвое дерево...

– Для меня город – это старые дома, это аура двора и лица людей, живших, живущих. Но тут я подумал – и деревья. Жизнь деревьев соизмерима с человеческой. При Ришелье Одессу засаживали акациями и этими пирамидальными тополями. А что, если на этом стволе проявятся лица. Инструменты мастера продлевают им жизнь. – это мы подслушали внутренний монолог Губаря, а может строчки из его пишущего романа.

И Олег, и я дружим с тончайшим акварелистом, нежным человеком Валерием Сыровым. Недавно во Всемирном клубе одесситов состоялась его выставка, в которой участвовал его друг скульптор Александр Коваленко. Это самородок. Он виртуозно режет дерево, превращая его в людей, животных...

Надо ли удивляться, что, решив оживить дерево, Губарь вспомнил про Сашу Коваленко?..

Несколько суток А.Коваленко с разрешения жителей двора колдовал над стволом, без эскиза, всё подсказывало дерево. Сразу понял, что просится выйти высокий мужичок, напоминающий лицом художника Юрия Коваленко, чей день рождения отмечался в день открытия дворовой скульптуры (совпадение?). А скульптор по тому же совпадению – его однофамилец. Тельняшка. Кепка на голове. Какой не простой Дедушка.

Нет, не под сенью девушек в цвету, ошибся Пруст, под сенью

Дедушек...

– А может, это Дед Мазай, – тихо спросил я скульптора Александра Князика.

– Какой еще Мазай – это наш одесский человек, не зайцы с ним, а кот....

Кот тоже появился неслучайно, в память о приходящей кошке Маркизе, жившей на два дома.

Удивительно, но дерево настояло, чтоб Коваленко вырубил еще одну фигуру – прижавшуюся к дедушке маленькую девочку, со светлым лицом. Образ НАДЕЖДЫ. И ожило срубленное дерево.

И ожил двор.

И уже есть заметки для продолжения работы. Чтобы сегодняшняя скульптура приобрела братьев и сестер в других дворах. Надо пытаться их сохранить и вносить в них жизнь.

Настаиваю на одной простой мысли. Надо не ждать праздников от государства. Нужно самим украшать нашу жизнь.

И легче станет жить под сенью Дедушек в цвету».

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

«Вот так встреча известного одессита Олега Губаря с личным прошлым, со старожилками его квартала, дома его детства, его двора и со скульптурным искусством одесситов стала праздником для города и останется в истории Одессы как теплая солнечная страничка».

Татьяна ХЕРСОНСКАЯ

«Жизнь продолжается. В детях. В тянущемся под крышу винограда, в пробившейся сквозь асфальт мальве. В памяти, в своей боли, переплавленной в

радость для других. И этот старик, проросший из старого тополя, – зримое продолжение и «Энциклопедии забытых одесситов» и книги о Первом христианском кладбище, которой Олег Губарь отдал годы. Память и любовь одного человека становится памятью обо всех. И родных, и безвестных, и забытых, и погибших – всех живших здесь. Души, из которых сложен пресловутый Геней места.

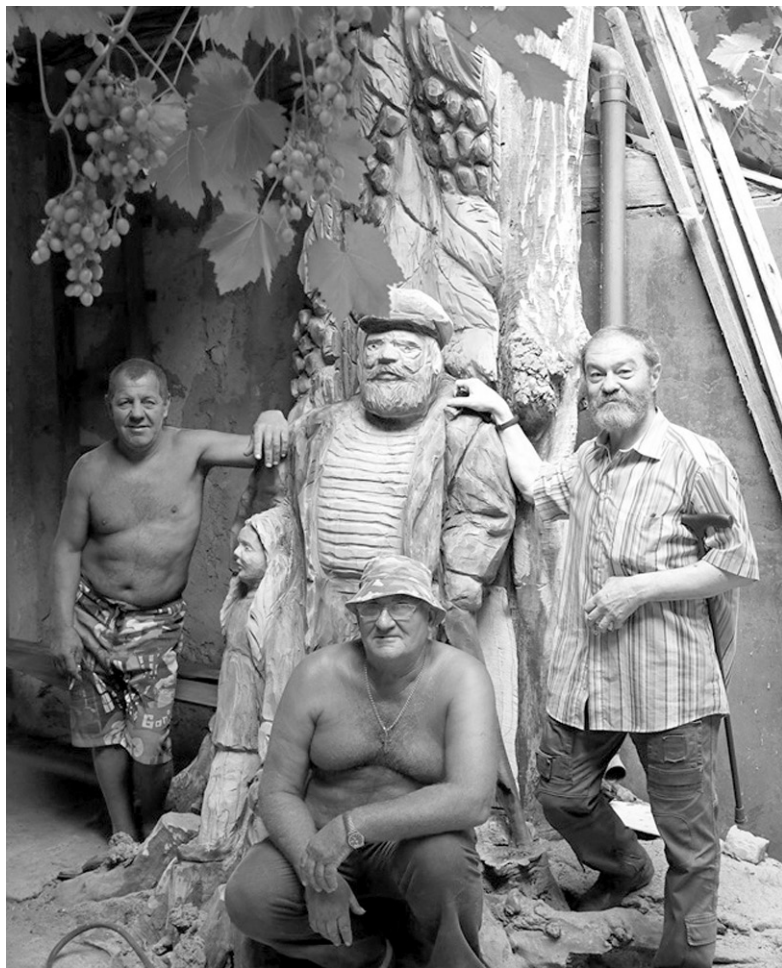
«...Но эти песни не горят, они в воздухе парят,

Чем им делают больше, тем они сильнее».

Тем они сильнее».

Анна ГОЛУБОВСКАЯ

Во время работы над деревом скульптор нашел в теле дерева... кованый гвоздь 19-го века. Сколько видел этот гвоздь, сколько веревоч на него вешали?! Вторая жизнь срубленных деревьев. Пусть этот проект, эта ожившая идея Губаря и Александра Коваленко получит дальнейшее продолжение.

радость для других. И этот старик, проросший из старого тополя, – зримое продолжение и «Энциклопедии забытых одесситов» и книги о Первом христианском кладбище, которой Олег Губарь отдал годы. Память и любовь одного человека становится памятью обо всех. И родных, и безвестных, и забытых, и погибших – всех живших здесь. Души, из которых сложен пресловутый Геней места.

«...Но эти песни не горят, они в воздухе парят,

Чем им делают больше, тем они сильнее».

Тем они сильнее».

Анна ГОЛУБОВСКАЯ

Во время работы над деревом скульптор нашел в теле дерева... кованый гвоздь 19-го века. Сколько видел этот гвоздь, сколько веревоч на него вешали?! Вторая жизнь срубленных деревьев. Пусть этот проект, эта ожившая идея Губаря и Александра Коваленко получит дальнейшее продолжение.

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

Бабушкины картины

Сколько удивительных историй хранят старые одесские дворы! Большая их часть оказывается погребенной под слоем времени. Но некоторые, волею случая, неожиданно всплывают из прошлого, как, например, история, о которой я хочу рассказать.

Однажды, увешанная мольбертами, я неслась домой через свой старый одесский дворик. Тут меня обгоняет сосед. Как зовут – не знаю, чем занимается – не знаю (говорят, что раньше одесские дворы были иньими). Не сбавляя скорости, сосед интересуется: «Мольберты? Рисуете?» – и добавляет: – У меня бабушка тоже рисовала, была членом Союза художников, после нее осталось несколько картин, из ткани». Я торможу соседа и начинаю расспрашивать: «Что значит из ткани?» Он попытался объяснить, ничего не понял. И сосед отправился домой, за семейными реликвиями. Увиденное ввело меня в замешательство и восторг: современные художники-прикладники делают работы, выкладывая под стекло рисунок из цветной шерсти. У соседа сохранилась аналогичная бабушкина работа, выполненная в подобной технике. Но две другие – что-то невероятное: рисунок «накидан» из разноцветных и разных по фактуре лоскутков, местами отстающих от полотна, – и возникает четкое ощущение, что изображение «дышит».

Кроме работ из ткани сосед показал удивительную графику бабушки-художницы. Слово за слово, выяснилось, что соседа зовут Богдан Лосиков, а его бабушку звали Лидией Александровной Лосиковой. Она была коренной одесситкой, родилась в 1913 году и прожила долгую, непростую, похожую на киносюжет, жизнь.

У родителей юной Лидии Федоровой, очевидно, были большие планы на будущее дочки. И в ее жизни все было внача-

ле похоже на сказку. Семья жила в престижном доме на Маразлиевской. Отец работал инженером и вполне обеспечивал семью, позволяя матери Лидии всецело посвящать себя детям. В доме была своя кухарка, помогала гувернантка. Детей обучали итальянскому, французскому и немецкому языкам. Раз в неделю, а то и два, вся семья ходила в Оперу, вела размеренный светский образ жизни.

А потом случилась революция. Первыми в Одессу пришли белые и расстреляли одного из братьев Лидии Александровны. Белые ушли – пришли красные и расстреляли второго брата. Жизнь пошла кувырком. В ней поменялось все! Уже не было того прежнего большого уютного дома, большой дружной семьи. Но шло время. И девочка, окончив гимназию (сегодня это 43-я школа на улице Гоголя), выросла. Известно, что в 37-ом Лидия Александровна вышла замуж, через год у нее родился сын – вроде как все налаживалось. До войны оставалось еще несколько насыщенных и счастливых лет, наполненных молодостью, любовью и планами. Теперь, подписывая свои работы, Лидия Александровна к девичьей фамилии прибавляла фамилию мужа: Федорова-Симонова. Что случилось во время войны с супругом, неизвестно. Лидия же Александровна вместе с сыном осталась в оккупированной Одессе. Не бедствовала – в центре у нее был большой магазин. И, наверное, будущее ей, как и в детстве, вновь виделось сказочным. Но, все оказалось иначе: город вот-вот должны были освободить красные. Понимая, что ее ждет, Лидия Александровна бежала в Румынию. Но и там не спаслась. Ее арестовали и отправили для разбирательства в Москву. Лидия Александровна была молода и красива – жизнь продолжалась, а сердце не выбирало время и место любви. Своего второго мужа – Лосикова Лидия Александровна

встретила во время следования в Москву. Определенно, счастье было на ее стороне, причем, не только в делах любовных. При расследовании дела Федоровой-Симоновой неожиданно стало известно, что часть выручки из ее магазина передавалась в одесское подполье. И, несмотря на то, что Лидия Александровна об этом ничего не знала, из-под ареста ее освободили и все обвинения сняли. В Одессу она уже вернулась Лосиковой и, хотя в ее жизни был еще один официальный брак, до конца так и осталась на этой фамилии.

Третий муж Лидии Александровны был латышом, его звали Жаном Францевичем. Как высококлассного специалиста по художественной части его пригласили на завод «Большевик» и сразу же выделили квартиру в Красном переулке. Лидия Александровна тоже работала на заводе «Большевик». Там они познакомились, полюбили друг в друга и поженились. Жан Францевич умер в 1973 году, оставив Лидию Александровну уже не молодой, но все еще красивой вдовой. Она по-прежнему занималась изобразительным искусством, интересовалась театром, в ее окружение была творческая интеллигенция. Ее последний, гражданский муж, тоже был натурой творческой: увлекался резьбой по дереву, за что друзья прозвали его Дятлом.

Лидия Александровна дожила до 85 лет. Богдан, вспоминая о бабушке, говорит,

что до конца жизни она сохранила манеры и красоту, что самым страшным ругательством в ее лексиконе было слово подлец...

В конце ноября, если обстоятельства вновь не вмешаются в наши планы, во Всемирном клубе одесситов пройдет выставка работ Лидии Александровны Лосиковой. Возможно, к этому времени скудные сведения о ее жизни пополнятся новыми фактами и подробностями.

Ирина ВИШНЕВСКАЯ

От редакции: чужая судьба – потемки. Но смущают люди, которые припеваючи жили при румынах. Понятно, что жить людям надо было. Правильней, выжить. Не они себя загнали в оккупацию. Словом, много белых пятен в биографии Лидии Федоровой-Лосиковой. А может быть, наши читатели, прочтя эту удивительную историю, смогут дополнить ее собственными воспоминаниями об одесской художнице с необычной судьбой. Ждем ваших писем.